

Черепашья панцирная кровать

Стоял знойный летний день, цикады исступленно трещали. В потайной комнате огромная черепаха вытянула шею и издала громкий рев, потрясший всю хижину.

— Ах ты черепаший сын, яйцеголовая тварь, задумал мне все планы сорвать! Не орать никак, тебя задушить что ли? — выругался про себя мужчина лет пятидесяти.

Накинув распахнутую рубашку и заложив за спину длинную курительную трубку, он выглянул наружу: к счастью, никого не было. Он быстро шмыгнул обратно в дом и в такую жару наглухо запер дверь.

Черенок его трубки достигала двух метров в длину, мундштук был нефритовым, а чашечка — латунной, с навершием. Длинный чубук с навершием — этаким отличительный знак щеголеватых стариканов той эпохи. Шастать по деревням и весям со скошенной за спиной длинной трубкой, словно с длинноствольным ружьем наперевес, — это придавало человеку бравый вид. К тому же у длинного чубука имелись свои плюсы: в руке он служил и тростью, и палкой для отбивания собак. А с навершием — чтобы собакам больнее было!

Зажегши керосиновую лампу, старик залез под кровать, приподнял крышку люка, обнажив проем с приставленной к краю деревянной лестницей. Ступень за ступенью он спустился в подвал. Помещение было небольшим, его почти целиком занимала громадная черепаха. Поставив лампаду в нишу в стене, он принялся яростно колотить трубкой по панцирю, приговаривая:

— Черепаший внук, чего раскричался? Думаешь, правительство приведешь, чтобы меня тут подвергли диктатуре, и тебе от этого кайф? Ты что, вынуждаешь старика побыстрее этот черный котел запалить? Думаешь, старик не посмеет? Сию минуту! Сию минуту сделаю так, что дышать станет некому и сердца остановятся!

Гигантская черепаха медленно втянула голову в панцирь и замерла, припав к земле и погрузившись в черепашье оцепенение, едва этот тип перестал ее лупить.

Старик ступил на черепашье колено и взгромоздился на спину животного. Панцирь был ледяным, и старик уселся на него, чтобы охладиться. Однако на сердце у него было тревожно, оттого и жарко; на душе скребли кошки, оттого он одну за другой смолил крепкую табачную заразу, сменяемый мрачными думами. Воздух в подвале не циркулировал, дыму деваться было некуда, и он повис густой пеленой, заставив полчища крыс снова туда-сюда в поисках спасения. Приходилось крутиться. Оживившаяся старая черепаха пустила в ход очень гибкую шею. Воспользовавшись мутной водою, она хватала крыс по одной за раз, и те смачно хрустели у нее на зубах. Похоже, пассивно-курительный образ жизни пришелся ей весьма по нраву.

Ноги чудища толщиной превосходили слоновьи, густо покрытые чешуйчатым панцирем. Каждая чешуйка толщиной давала фору мясистым листьям кактуса. На спине оно несло исполинский панцирь. Общей черно-бурой мастью он с первого взгляда напоминал перевернутый вверх дном гигантский котел двухметрового диаметра, хотя край панциря был куда толще котловских стенок — добрые в кирпич толщиной. Ороговевший слой на поверхности во многих местах облупился или стерлся, обнажая участки посветлее, в то время как неповрежденные места оставались темными. Пестрые пятна на панцире, густо испещренном следами от пуль и едва различимым узором в виде футбольного мяча, придавали ему невероятное ощущение исторической череды эпох и глубокой содержательности.

Как повествуется в книге, сия исполинская черепаха по кличке Цзяньта была вылуплена в 1751 году на западном побережье Европы, а в 1900 году праздные зеваки погрузили ее на военный корабль Альянса восьми держав и привезли в Китай. Одно время она была любимцем командующего британскими военно-морскими силами Эдварда Сеймура. Позднее, вернувшись на родину, Сеймур доложил своему премьер-министру: Китайцы едят очень мало, а делают очень много. Если китайцы досыта наедятся, случится нечто страшное. Китай — это спящий лев, и в конце концов он пробудится. Я оставляю свое долгоживущее животное в этой стране, чтобы оно стало свидетелем грядущей истории.

Хлоп-хлоп-хлоп — раздался громкий стук в дверь. От неожиданности старик качнулся, потерял равновесие и кубарем полетел с черепашьей спины. Не обращая внимания на боль, он одной рукой схватился за голову, а другой вытащил из-за пояса сбоку от панциря вороненый, блестящий пистолет. Оказалось, в краю панциря было просверлено отверстие, к которому крепилась кобура.

Заткнув пистолет за пояс, старик схватил керосинку, открутил горелку, наклонил корпус лампы и плеснул немного керосина в стенную нишу, после чего закрутил фитиль обратно и поднес огонь к нише. Раздался глухой хлопок, керосин вспыхнул, и языки пламени взметнулись в кирпичные щели. Внутри кладки таился скрытый механизм. От нагревания механизм сработал, и зубчатые кирпичи справа с противным скрипом раздвинулись в обе стороны. Оказалось, там скрывались две маленькие дверцы. За ними уходил вниз наклонный потайной ход, на котором стояла крошечная тележка; от нее наверх тянулся канат, а из верхней части проема струился слабый свет. Другой канат спускался сверху, и его нижний конец прижимало туловищем гигантской черепахи.

Старик запрыгнул в тележку, и едва его задница коснулась сиденья, как пришел в действие механизм. Раздался грохот: черепаха, продавив доски пола всей подземной каморки, провалилась в глубь недр. Лишь деревянная лестница, намертво вмурованная в стены, осталась висеть в пустоте. По мере того как черепаха погружалась вниз, старик в своей тележке вихрем взмыл кверху по склону. Оказалось, вверху был закреплен блок, и вес гигантской черепахи вытянул его наверх.

Слева перед домом старика раскинулась бамбуковая роща, в глубь которой был задвинут каменный стол. Осторожно разгребши ногами сухую листву под столом, старик прицелился из пистолета в сторону собственного крыльца. Не успел он толком прицелиться, как понял: это свой.

Выбравшись из-под каменного стола и аккуратно заправив пистолет, старик издал несколько глухих голубиных звуков: у-гу-гу, и к нему бросился человек. Главной приметой этого человека было пулевое отверстие в левом ухе. Главной же приметой старика было отсутствие куска мяса на левом подбородке — казалось, будто кто-то отхватил его впившись зубами, причем на зажище шраме отчетливо отпечатался след от укуса, и оставила его женщина, судя по небольшой выемке и мелким зубам, явно запечатленная ягодными губками малышки. Продырявленное Ухо поспешно шагнул вперед, ухватил Безкусого за руку и почтительно назвал командующим.

Оба уселись за каменным столом, соприкасаясь лбами, и о чем-то заговорщически пошушукались, после чего трижды звонко стукнулись лбами в знак твердой решимости идти до конца. Затем они тихо разошлись.

В бамбуковой роще и впрямь обнаружилась белая голубка. А кроме нее — еще и зеленый попугай. Затаившись среди густых ветвей и листьев, четыре глаза суетливо вращались по

сторонам, подслушивая и подглядывая за речами и делами двоих заговорщиков. Долго понаблюдав за ними, зеленый попугай клюнул белого голубя в клюв, показывая, что пора разделиться. Голубь с шумом захлопал крыльями и улетел на юг, а зеленый попугай порхнул под каменный стол и поковылял вниз по наклонному склону. Ему предстояло раскрыть тайну...

Старик скользнул под каменный стол, плотно прикрыл снизу крышку люка и шустро скатился по склону на десяток с лишним метров в глубину. Оказавшись на твердой земле, он зажег готовую лампаду в стенной нише и огляделся — от увиденного у него сердце ушло в пятки. Дверь, ведущая в сокровищницу, распахнута настежь! — мысленно возопил он.

Спешно вскочив на черепаший панцирь, он принялся постукивать трубкой по ее хвосту. Четверо лап гиганта мгновенно выпрямились, она встала на дыбы и ринулась в глубь потайного хода. Восседавая на ней, старик выглядел весьма грозно. Оказывается, эта громадная черепаха служила ему ездовым животным!

Исполинская Цзяньта неслась Безкусого вперед, как вдруг резко остановилась, припав к земле в ожидании приказаний. Выяснилось, что путь ей преградили две массивные створки ворот, сплошь усеянные медными шляпками гвоздей. Безкусый спрыгнул со спины черепахи, подошел ближе, посветил лампой, и застрявшее в горле сердце наконец плюхнулось обратно в грудь. Ибо ворота по-прежнему целы и по-прежнему наглухо заперты. Шао Коужоу перенесся к правой створке двери, поставил масляную лампу на землю и, прижав к медной шляпке указательный правый палец, несколько раз пересчитал их. Сверху вниз он отсчитал шестой ряд, а в нем справа налево — третью медную шляпку. Шесть и три — месяц и день его рождения. Он изо всех сил выдернул эту шляпку, и вместе с ее концом выскочила пробка от термоса, оставив в двери круглую дыру.

Шао Коужоу вытащил свое хозяйство и вставил в круглое отверстие. Уперев руки в боки и прикрыв глаза, он пустился в самые разные фантазии. Судя по всему, он пытался изо всех сил сосредоточиться, чтобы пописать. Однако сосредоточиться у него никак не получалось. Простояв добрую половину дня, он не смог выдавить ни единой капли.

Как раз когда он ломал над этим голову, кирпичи в правой стене со скрипом разошлись сами собой, являя взору тайную комнату. Внутри ярко горели свечи. Свет свечей и густой, насыщенный аромат женского тела хлынули мощным потоком, мгновенно с головой накрыв Шао Коужоу и черепаху. Он резко повернул голову и заглянул внутрь.

Какая-то женщина сидела перед туалетным столиком спиной наружу и любовалась собой в зеркало. Ее роскошные волосы доставали до пола, белоснежная шея и изящные мочки ушей поражали воображение, плечи были точеными, руки — стройными, а талия и бедра напоминали ивовый прут и миниатюрные округлости. Оглянувшись и бросив на него взгляд, она мгновенно заставила сердце любого, самого жестокосердного человека затрепетать от бурного потока чувств. Она озарила все чарующей улыбкой, а ее красота была поистине несравненной.

Шао Коужоу и сам не понял, какими движениями уже оказался прямо перед ней.

Шао Коужоу поднял левую руку и принялся указательным и средним пальцами растирать виски — казалось, этим жестом он пытался успокоить слишком возбужденные нервы. Шао

Коужоу спросил: — Не знаю, какая небожительница снизошла в мой мир? Женщина поднялась на ноги, бросила на него косой взгляд в профиль и непринужденно ответила:

— Не стоит благодарности. Я из соседней деревни, искала своего пропавшего ягненка и случайно упала в сухой колокол, потеряв сознание. Когда очнулась, поняла, что лежу головой на человеческом черепе. От страха я закричала, схватилась за голову и бросилась бежать, совсем забыв, что нахожусь на дне колодца — разве там разбежишься? Но на удачу я натолкнулась на дверь и выбила ее, укрывшись здесь уже несколько дней назад. Вот, посмотрите, какую шишку набила.

Женщина легко вытянула нежный палец и указала на сияющий лоб.

Никакой шишки там не было, и Шао Коужоу сразу догадался: это всего лишь кокетливые уловки распутной девицы, призванные соблазнить мужчину и заманить «молодца» в ловушку. Вытянув губы, он тут же потянулся поцеловать указанное место. Раздался громкий чмок, но пришелся он прямо по его собственным губам — женщина вовремя преградила ему путь, подняв зеркало. Выхватив у нее зеркало, он швырнул его на туалетный столик. Зеркало со звоном закружилось на крышке столика, отражая черепаху, которая уже проследовала за ними внутрь, подняла правую переднюю лапу за спиной женщины и легонько замахала ею, словно тоже собираясь заключить ее в объятия. Шао Коужоу приподнял её за подбородок и прошёлся по каждому дюйму её кожи взглядом, острым словно нож для обвалки костей, скользя от корней волос до выреза платья. Женщина тоже проявила понимание. Желая потешить его взор, она, словно само собой разумеющееся, чуть повела плечами, и вся её одежда, подобно созревшему яблоку, с мягким звуком шмякнулась ей на стопы. Тот обжигающий взгляд мерно искупал её в лучах своего внимания, после чего обладатель этого сияния внезапно подхватил её на руки, взбежал на стул и стал ждать, пока Большая Черепаха «застелит постель».

Большая Черепаха давно горела желанием проявить себя. Едва завидев это, она вскинула огромную лапу, взмахнула ею по спинке стула, уперлась лапами в пол, круто выгнула спину и опро навзничь на землю. Всё движение было отточено до крайности, судя по всему, ей приходилось проделывать подобное не вперёд и назад.

Шао Коужоу, зажав женщину в охапку, совершил прыжок лягушкой, и оба они рухнули на черепашьё брюхо. Живот черепахи был белоснежным, гладким, прохладным, просторным и живым — поистине роскошнейшим ложем в мире.

Черепашьё ложе заходило ходуном, словно коробочка лотоса на бурных волнах.

— А в конце концов оказалось, что это моя старая нищенка.— Какая еще старая нищенка? Я — госпожа Сто Лиц.

— Хоть сто лиц, хоть тысяча, а суть-то одна и та же.

— Ах ты неблагодарный! Если бы не моя искусная маскировка, смогли бы вы прятаться до сих пор? Ты — Цю Ху.

— Какой еще шаровый чайник или ночной горшок?

— Деревенщина! Цю Ху — это уроженец царства Лу из периода Весен и Осен. Отправившись на чужбину на службу и добившись высокого поста, он через пять лет возвращался домой, но его внешность и манеры изменились настолько сильно, что даже близкие знакомые не смогли бы узнать его с первого взгляда. Уже под конец пути, когда сгустились сумерки, он заметил в тутовых рощах девушку редкой красоты, которая собирала листья. Похоть мгновенно затмила его разум, и он полез к ней с домогательствами. Дома, вернувшись с повинной головой, он вскоре обнаружил, что эта сборщица тутового шелка — его собственная жена. Презрев его низость, она бросилась в реку и утопилась.

— У вас, баб, ума палата, а рассуждаете вечно как курицы. Раз она не узнала его, с чего бы ему узнавать собственную жену?

— Разве не сказано же было, что смеркалось? Ничего не разглядишь. К тому же, вы, мужики, всегда считаете, что ваши жены стареют быстрее всех остальных, и спустя несколько лет разлуки даже представить не можете, во что они превратились. И вообще, чужая жена всегда слаще, вам вечно кажется, что чужие женщины лучше собственных. Его помыслы, прямо как у тебя только что, были направлены на чужую бабу, а если бы он сразу признал в ней жену, у вас, мужиков, весь этот романтический пыл сразу бы и пропал, — бормоча, женщина качнулась из стороны в сторону.

Мужчина сердито надулся и попытался отстраниться.

— Кто же бросает палочки, когда перед ним вкусная еда? — Руки женщины обвили его талии, словно питон, и она мертвой хваткой прижалась к нему.

— Ах ты, ненасытная бабца! — поддразнивая ее, мужчина принялся щекотать ее подмышками, и только когда она от смеха совсем лишилась сил, он наконец вырвался.

Шао Коужоу выскользнул из объятий женщины, поспешно подбежал к главному воротам, наугад вставил свое «достоинство» в замочную скважину и крутанул бедрами. Раздался оглушительный грохот, и обе створки ворот распахнулись внутрь. Ни один демон на свете не мог бы вообразить, что его «это самое» и есть ключ.

Белый голубь летел на юг, трижды кружил над горой Уцзу, а затем камнем рухнул вниз.

Седовласый старец сидел в комнате в полном одиночестве. Голубь расхаживал перед ним по столу, издавая тихое воркование. Старик медленно оглаживал бороду, слегка кивая, всем своим видом показывая: «Мне уже всё до мелочей известно».

За окном внезапно умолкли цикады, и в страхе шарахнулись воробьи.

Словно ничего небывалого не происходило, старец взял со стола пять фотографий заграничных женщин и принялся отрешенно ими любоваться. Внезапно он сложил их стопкой, и с молниеносной быстротой выщелкнул оттуда крошечный камешек, угодивший точно в точку прыжка заглядывавшему в окно человеку. Тот невольно подпрыгнул всем телом, кубарем перевалился через подоконник и ввалился внутрь, распластавшись на полу.

— Парень, ты уже столько раз заглядывал сюда тайком, что сегодня я позволю тебе насладиться зрелищем вдоволь. — С этими словами старец медленно выдвинул наружу одну из фотографий.

Парень потер глаза и вытаращился на нее с недоверием.

— Не таращи глаза так, будто они у тебя из резины!

Парень уставился на снимок: глаза его вылезли из орбит, рот широко разинулся, дыхание перехватило, а с губ сорвалась тонкая ниточка слюны.

Старец показал чуть больше половины фотографии и резко задвинул ее обратно.

— Хочешь посмотреть, что там дальше?

Парень отчаянно закивал.

— Послушай меня, и я отдам тебе все пять штук. Можешь даже прилепить их к губам, чтобы любоваться!

— Что делать?

— Наклонись ближе.

После этих слов старец шепнул ему нечто на ухо, и парень удалился.

<http://bllate.org/book/22008/2287951>